

ВЕЧНАЯ КЛАССИКА В СТИЛЕ МАНГИ

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

РОМАН

Москва
«Махаон»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Д70

Вступительная статья и комментарии
Ольги Саленко

Иллюстрации на суперобложке, обложке и форзацах
Елены Белоусовой

Саленко Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, работает на кафедре русской классической литературы и славистики Литературного института имени А. М. Горького. Преполагает русскую литературу XVIII–XIX веков, историю славянских литератур, читает спецкурс по поэзии.

Д70 Достоевский Ф. М.
Преступление и наказание : роман / Федор Михайлович Достоевский ; вступ. ст. О. Саленко ; худож. Е. Белоусова. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2024. – 592 с. – (Вечная классика в стиле манги).

ISBN 978-5-389-24397-2

«Преступление и наказание», по мнению многих критиков, является лучшим романом Федора Достоевского, который оказал значительное влияние на русскую и мировую литературу.

В этой книге вы найдете не только полный текст произведения, но и вступительную статью, комментарии преподавателя Литературного института имени А. М. Горького, которые помогут вам подготовиться к экзаменам. Издание содержит QR-код, ведущий к аудиокнижке: благодаря ей вы погрузитесь в атмосферу Петербурга того времени.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

© Белоусова Е. Н., иллюстрации, 2024
© Оформление, вступительная статья,
комментарии. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2024
Machaon®

ISBN 978-5-389-24397-2

*«Преступление и наказание»
Федора Михайловича Достоевского*

«Сколько раз мечтал я, с самого детства, побывать в Италии... А вместо Италии попал в Семипалатинск, а прежде того в Мертвый дом...» – так писал молодой Федор Достоевский о событиях, преломивших его жизнь. «Мертвый дом» – это каторга, куда выпускника Инженерного училища и начинающего писателя отправили за участие в антиправительственном молодежном кружке Петрашевского. Каторгой была заменена смертная казнь. Об изменении приговора государственным преступникам сообщили, когда их уже вывели на расстрел.

По высочайшему помилованию Достоевского отправили на четыре года на каторжные работы в Омск, затем он около шести лет служил рядовым в казахской степи. В 1857 году петрашевцам и декабристам возвратили право дворянства. Достоевский начинает вновь печататься.

В каторге у писателя под подушкой лежала единственная разрешенная книга – Новый Завет. Евангелие стало источником непрерывных размышлений и духовного возрождения Достоевского.

«Я говорил тебе про... исповедь-роман, который я хотел писать после всех, говоря, что еще самому надо пережить. На днях я совершенно решил пи-

сать его немедля. Все сердце мое с кровью полжится в этот роман. Я задумал его в каторге, лежа на нарах, в тяжелую минуту грусти и саморазложения...», – писал Достоевский брату. Но повествование от первого лица не устроило автора, и он решил вести повествование «от себя», от лица рассказчика, дважды перерабатывая идею.

Достоевский, испытывая крайнее безденежье, продал замысел романа редактору, а само произведение начали публиковать до момента его завершения автором. Эта отличительная манера писателя будет характерна и для его дальнейшей литературной работы. Роман, опубликованный в журнале «Русский вестник» в 1866 году, стал результатом многолетних размышлений Федора Михайловича о жизни и смерти, предназначении человека, его месте в мире и каким образом можно сделать мир лучше.

В центре сюжета – убийство. Детективный жанр в России, как и во всем мире, набирал силу, читателей интересовали тайны и загадки. Журналы, в том числе братьев Достоевских, печатали материалы зарубежных уголовных процессов и приговоры. В сентябре 1865 года начали публиковать отчеты из зала суда по делу раскольника Г. Чистова, зарубившего топором двух женщин и спрятавшего вещи в сугробе. Обвинитель и защитник много говорили о психологическом состоянии Чистова, интерпретируя его каждый по-своему. Материалы этого дела легли в основу криминальной составляющей романа. В августе 1865 года произошло еще одно убийство с ограблением. А в январе 1866 года, когда начал выходить роман, общественность обсуждала убийство студентом Даниловым ростовщика и его служанки, случайно зашедшей через незапертую дверь. Так что публика читала художественное произведение и сравнивала коллизии романа с реальным уголовным делом.

Достоевский использовал художественные приемы, характерные для детективной литературы и даже триллера – мастерски нагнетал напряжение, поддерживал интригу, задерживая развязку, создавал эффект саспенса. Вместе с тем его произведение имеет черты более привычного читающей публике его времени жанра авантюрного романа. Значительную роль в движении сюжета играет случай: случайная встреча, подслушанный разговор о старухе-процентщице, который возвращает Раскольникова к мысли о задуманном преступлении. Случай то срывает планы героя, то неожиданно помогает ему. Однако такие приемы для Достоевского – лишь средства. Несмотря на то что писатель основывает сюжет на уголовной хронике, он использует популярный жанр детектива для привлечения внимания к другим тайнам – сокровенным стремлениям души человека. У Достоевского, кто убил и как, не составляет загадки, автора глубоко волнуют причины убийства. В какой-то мере Достоевский предвосхитил психологический детектив, создав интересную и современную фигуру следователя (Порфирия Петровича) и разработав метод раскрытия преступления, основанный не на дедукции Шерлока Холмса, знавшего все об особенностях грязи в разных районах Лондона, а на изучении особенностей личности подозреваемого, его психологии.

Заметим, что место действия – Петербург Достоевский знал не хуже, чем Конан Дойль Лондон. Одна из особенностей романа – топографическая точность: действие происходит в местах, которые названы и до сих пор узнаваемы по описанным автором деталям.

Жанровые рамки детектива, конечно, узки для Достоевского. Его роман – не только и не столько о хитроумном следователе, а о поиске героем себя, о ложном выборе («Тварь ли я дрожащая

или право имею...»), в логику которого загоняет себя Раскольников. Решение поставленной задачи автор видит в новом, духовном измерении, открывшемся герою, в отношениях с Богом и ближними.

Изначально Достоевский видел свой роман как «психологический отчет одного преступления», но в процессе работы создал вокруг главного героя ряд персонажей, которые до сих пор вызывают интерес читателей и исследователей. Писатель дал каждому возможность высказать свою позицию по социальным и философским проблемам, по-своему «отзеркалить» идею Раскольникова, стать его идеологическими «двойниками». Важное значение в развитии замысла автора играет символическое сближение персонажей (например, Соня, Дуня, Лизавета, девушка на бульваре), повтор и вариации отдельных эпизодов сюжета.

Для раскрытия характеров своих героев Достоевский пользуется обширной палитрой художественных средств, в частности, говорящими фамилиями и символикой имен. Однако это не просто прямые соответствия чертам личности, свойственные произведениям классицизма (Правдин, Скотинин). Символика Достоевского по ходу повествования оказывается более сложна и диалектична. Самый близкий человек к одиночке Раскольникову – Разумихин во второй части романа утверждает, что он «дворянский сын» и его настоящая фамилия – «Вразумихин»; другой герой, путаясь, назовет его «Рассудкиным». Одним из ключевых персонажей – Лужина зовут Петр, что значит «камень», отчество Петрович усиливает это значение, а фамилия резко с ним контрастирует.

«Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» – писал юный Досто-

евский в 1839 году, еще до всех своих злоключений.

Верность этой цели, стремление в любых обстоятельствах сохранять в себе человеческое, интерес и внимание к людям, их историям и переживаниям стали опорой, позволившей Фёдору Михайловичу, несмотря на многие беды и испытания, сохранить целостность своей личности и донести до нас живые размышления над вопросами, которые никогда не потеряют актуальность.

Ольга Саленко

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую занимал от жильцов в С – м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К – ну мосту.

Он благополучно избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться.

Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься. Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий вздор

про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти приставания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, – нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал.

Впрочем, на этот раз страх встречи с своею кредиторшей даже его самого поразил по выходе на улицу.

«На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! – подумал он с странною улыбкой. – Гм... да... всё в руках человека, и всё-то он мимо носу пронесит, единственно от одной трусости... это уж аксиома... Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся... А впрочем, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что болтаю. Пожалуй, впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю. Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе. Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; игрушки! Да, пожалуй что и игрушки!»

На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, – всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины. Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен. Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытие, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать. Изредка только бормотал он что-то про себя, от своей привычки к монологам, в которой он сейчас сам себе признался. В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй

день как уж он почти совсем ничего не ел.

Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу. Впрочем, квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить. Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербургских улицах и переулках, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой. Но столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека, что, несмотря на всю свою, иногда очень молодую, щекотливость, он менее всего совестился своих лохмотьев на улице. Другое дело при встрече с иными знакомыми или с прежними товарищами, с которыми вообще он не любил встречаться... А между тем, когда один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряженной огромною ломовою лошадью, крикнул ему вдруг, проезжая: «Эй ты, немецкий шляпник!» – и заорал во всё горло, указывая на него рукой, – молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону. Но не стыд, а совсем другое чувство, похожее даже на испуг, охватило его.

«Я так и знал! – бормотал он в смущении, – я так и думал! Это уж всего сквернее! Вот эдакая какая-нибудь глупость,

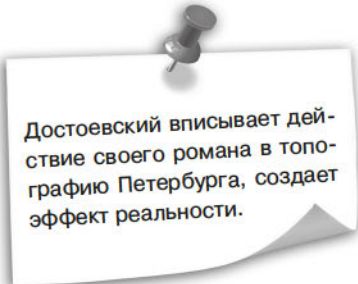
Резкий контраст между красотой, тонкими чертами лица и подчеркнутой автором убогостью одежды.

Образ Петербурга в районе Сенной площади, где, помимо торговых и ремесленных лавок, располагались приюты, публичные дома, трактиры и кабаки.

Погода, вонь и уличная обстановка в июле в этой части города тоже раздражают нервы героя.

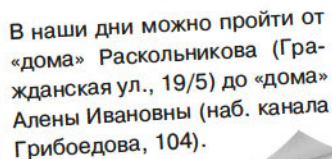
какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить! Да, слишком приметная шляпа... Смешная, потому и приметная... К моим лохмотьям непременно нужна фуражка, хотя бы старый блин какой-нибудь, а не этот урод. Никто

Достоевский вписывает действие своего романа в топографию Петербурга, создает эффект реальности.

таких не носит, за версту заметят, запомнят... главное, потом запомнят, а не улика. Тут нужно быть как можно неприметнее... Мелочи, мелочи главное!.. Вот эти-то мелочи и губят всегда и всё...»

размечтался. В то время он и сам еще не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью. Теперь же, месяц спустя, он уже начинал смотреть иначе и, несмотря на все поддразнивающие моно-

В наши дни можно пройти от «дома» Раскольникова (Гражданская ул., 19/5) до «дома» Алены Ивановны (наб. канала Грибоедова, 104).

логи о собственном бессилии и нерешимости, «безобразную» мечту как-то даже поневоле привык считать уже предприятием, хотя всё еще сам себе не верил. Он даже шел теперь делать *пробу* своему предприятию, и с каждым шагом волнение его возрастало всё сильнее и сильнее.

С замиранием сердца и нервной дрожью подошел он к преогромнейшему дому, выходящему одною стеной на канаву, а другою в —ю улицу.

Этот дом стоял весь в мелких квартирах и заселен был всякими промышленниками — портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и проч. Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома. Тут служили три или четыре дворника. Молодой человек был очень доволен, не встретив ни которого из них, и неприметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу. Лестница была темная и узкая, «черная», но он всё уже это знал

и изучил, и ему вся эта обстановка нравилась: в такой темноте даже и любопытный взгляд был неопасен. «Если о сю пору я так боюсь, что же было бы, если б и действительно как-нибудь случилось до самого *дела* дойти?..» – подумал он невольно, проходя в четвертый этаж. Здесь загородили ему дорогу отставные солдаты-носильщики, выносившие из одной квартиры мебель. Он уже прежде знал, что в этой квартире жил один семейный немец, чиновник: «Стало быть, этот немец теперь выезжает, и, стало быть, в четвертом этаже, по этой лестнице и на этой площадке, остается, на некоторое время, только одна старухина квартира занятая. Это хорошо... на всякой случай...» – подумал он опять и позвонил в старухину квартиру. Звонок брякнул слабо, как будто был сделан из жести, а не из меди. В подобных мелких квартирах таких домов почти всё такие звонки. Он уже забыл звон этого колокольчика, и теперь этот особенный звон как будто вдруг ему что-то напомнил и ясно представил... Он так и вздрогнул, слишком уж ослабели нервы на этот раз. Немного спустя дверь приотворилась на крошечную щелочку: жилища оглядывала из щели пришедшего с видимым недоверием, и только виднелись ее сверкавшие из темноты глазки. Но, увидав на площадке много народу, она ободрилась и отворила совсем. Молодой человек переступил через порог в темную прихожую, разгороженную перегородкой, за которой была крошечная кухня. Старуха стояла перед ним молча и вопросительно на него глядела. Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтевшая меховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела. Должно быть, молодой человек

Старуха вызывает отвращение у героя. Она контрастирует с красотой и молодостью Раскольниковова. Но тошноту вызывает не старуха, а его собственные мысли.

взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.

– Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц, – поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном, вспомнив, что надо быть любезнее.

– Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, – отчетливо проговорила старушка, по-прежнему не отводя своих вопрошающих глаз от его лица.

– Так вот-с... и опять, по такому же дельцу... – продолжал Раскольников, немного смутившись и удивляясь недоверчивости старухи.

«Может, впрочем, она и всегда такая, да я в тот раз не заметил», – подумал он с неприятным чувством.

Старуха помолчала, как бы в раздумье, потом отступила в сторону и, указывая на дверь в комнату, произнесла, пропуская гостя вперед:

– Пройдите, батюшка.

Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем. «И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!..» – как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова, и быстрым взглядом окинул он всё в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение. Но в комнате не было ничего особенного. Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам да двух-грех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, – вот и вся мебель. В углу перед небольшим образом горела лампада. Всё было очень чисто: и мебель, и полы были оттерты под лоск; всё блестело. «Лизаветина работа», – подумал молодой человек. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартире. «Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота», – продолжал про себя Раскольников и с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнатку,

где стояли старухины постель и комод и куда он еще ни разу не заглядывал. Вся квартира состояла из этих двух комнат.

– Что угодно? – строго произнесла старушонка, войдя в комнату и по-прежнему становясь прямо перед ним, чтобы глядеть ему прямо в лицо.

– Заклад принес, вот-с! – И он вынул из кармана старые плоские серебряные часы. На оборотной дощечке их был изображен глобус. Цепочка была стальная.

– Да ведь и прежнему закладу срок. Еще третьего дня месяц как минул.

– Я вам проценты еще за месяц внесу; потерпите.

– А в том моя добрая воля, батюшка, терпеть или вещь вашу теперь же продать.

– Много ль за часы-то, Алена Ивановна?

– А с пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоит. За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно.

– Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовские. Я скоро деньги получу.

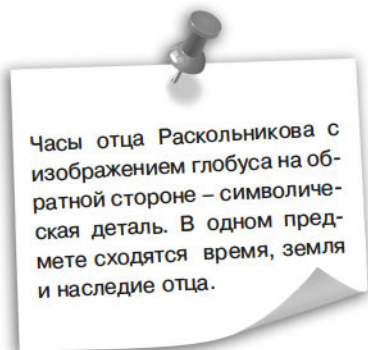
– Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с.

– Полтора рубля! – вскрикнул молодой человек.

– Ваша воля. – И старуха протянула ему обратно часы. Молодой человек взял их и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел.

– Давайте! – сказал он грубо.

Старуха полезла в карман за ключами и пошла в другую комнату за занавески. Молодой человек, оставшись один среди комнаты, любопытно прислушивался и соображал. Слышно было, как она отперла комод. «Должно быть, верхний ящик, – соображал он. – Ключи она, стало быть, в правом кармане носит... Все на одной связке, в стальном

кольце... И там один ключ есть всех больше, втрое, с зубчатой бородкой, конечно, не от комода... Стало быть, есть еще какая-нибудь шкатулка али укладка. Вот это любопытно. У укладок всё такие ключи... А впрочем, как это подло всё...»

Старуха воротилась.

– Вот-с, батюшка: коли по гривне в месяц с рубля, так за полтора рубля причтется с вас пятнадцать копеек, за месяц вперед-с. Да за два прежних рубля с вас еще причтается по сему же счету вперед двадцать копеек. А всего, стало быть, тридцать пять. Приходится же вам теперь всего получить за часы ваши рубль пятнадцать копеек. Вот получите-с.

– Как! так уж теперь рубль пятнадцать копеек!

– Точно так-с.

Молодой человек спорить не стал и взял деньги. Он смотрел на старуху и не спешил уходить, точно ему еще хотелось что-то сказать или сделать, но как будто он и сам не знал, что именно...

– Я вам, Алена Ивановна, может быть, на днях, еще одну вещь принесу... серебряную... хорошую... папиросочницу одну... вот как от приятеля ворочу... – Он смутился и замолчал.

– Ну тогда и будем говорить, батюшка.

– Прощайте-с... А вы всё дома одни сидите, сестрицы-то нет? – спросил он как можно развязнее, выходя в переднюю.

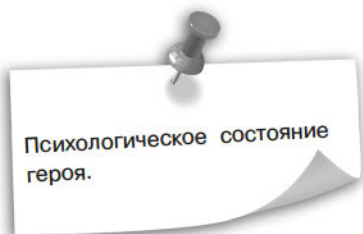
– А вам какое до нее, батюшка, дело?

– Да ничего особенного. Я так спросил. Уж вы сейчас... Прощайте, Алена Ивановна!

Раскольников вышел в решительном смущении. Смущение это всё более и более увеличивалось. Сходя по лестнице, он несколько раз даже останавливался, как будто чем-то внезапно пораженный. И наконец, уже на улице, он воскликнул:

«О боже! как это всё отвратительно! И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! – прибавил он решительно. – И неужели такой

ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, целый месяц...»

Психологическое состояние героя.

Литературно-художественное издание   Әдеби-көркем басылым
Для старшего школьного возраста   Жоғарғы мектеп жасына арналған

Серия «ВЕЧНАЯ КЛАССИКА В СТИЛЕ МАНГИ»

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Роман

Ответственный редактор   А. В. Куцова
Художественный редактор   С. А. Карпунин
Технический редактор   Т. Ю. Андреева
Корректор   А. Г. Будаева
Компьютерная верстка   Е. А. Кумшаева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 26.03.2024.

Формат 60×88 1/16. Гарнитура SchoolBook.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,0.

Тираж 3000 экз. J-SCN-33372-01-R. Заказ №

Дата изготовления / Өндірілген күні 27.04.2024.

Срок службы (годности): не ограничен. / Қызмет (жарамдылық) мерзімі: шектелмеген.

Условия хранения: в сухом помещении. / Сақтау шарттары: құрғақ үй-жайда.

Изготовитель: Өндіруші:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака Машаоп	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – Машаоп тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25	115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А	191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru   www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алау болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции,
предназначенной для детей и подростков».

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)
Тауар КО ТР 007/2011 «Балалар мен жасөспірімдерге арналған
өнімдердің қауіпсіздігі туралы» талаптарына сәйкес келеді.